

Он не унаследовал воспоминания прежнего хозяина тела, не знал этого мира и даже не понимал, как должны строиться отношения между матерью и сыном. Поэтому он старался говорить меньше и просто подстраиваться, надеясь, что это поможет скрыть его истинную сущность Повелителя Скелетов.

Однако он не знал, что в лесу водятся разные птицы, и люди — не исключение. Прежний хозяин тела был маменькиным сыночком, но, кроме того, страдал серьезной избирательностью в еде. Не спрашивайте, что он не ел, лучше спросите, что он вообще ел.

Лук, имбирь, чеснок, петрушка, шпинат, говядина, баранина, морепродукты, куриные лапки, свиные уши, говяжьи кишки, утиные шеи, манго, персики, апельсины...

Все это он внес в список «античеловеческой» еды.

Его характер резко изменился, вкусовые привычки тоже. Каждый день он пропадал на улице, а дома почти не разговаривал, сразу уходя к себе. Реальная жизнь — это не роман о попаданцах. Мать знает своего ребенка как никто другой, и скрыть такие перемены от того, с кем живешь под одной крышей, было не так-то просто.

После ужина, вкус которого был ужасен, Бай Цзиньинь неуклюже поддержал разговор на стандартные социальные темы вроде «Сегодня на улице жарко» и «Чем вы сегодня занимались?», а затем закончил всё фразой:

— Я наелся, пойду в комнату.

Закрыв дверь, Бай Цзиньинь не расслабился, а, глядя на старые настенные часы, стал ждать, отсчитывая время.

Ровно в десять за дверью раздались легкие шаги. Бай Жулянь вошла, держа аккуратно сложенную чистую одежду.

Бай Цзиньинь скривил губы, готовясь к ежевечерней традиции — колыбельной «Старая кошка-обезьяна пришла».

Однако Бай Жулянь не подошла к кровати, как обычно, не начала болтать о обычных делах и не запела колыбельную своим хриплым голосом, похожим на брань Лича.

Она села на высокий стул у стены. Из-за невысокого роста ее ноги не доставали до пола и болтались в воздухе. Взгляд был направлен в сторону Бай Цзиньиня, но если приглядеться, можно было заметить, что она смотрела сквозь все преграды, в бесконечную пустоту, в реку судьбы, полную перемен.

Она словно вспоминала какие-то счастливые моменты прошлого, и ее лицо, усеянное веснушками, словно светилось изнутри. Затем выражение сменилось на печальное, и в узких глазах заблестели слезы.

Бай Цзиньинь не понимал, что происходит, но в груди стало тяжело. Он взял полотенце, подошел к ней, и фраза «Мама, что с вами?», несколько раз пронесшаяся у него на языке, сократилась до:

— Что случилось?

— Ничего, — Бай Жулянь вытерла лицо, стирая слезы и печаль, улыбнулась и протянула руку,

чтобы погладить Бай Цзиньиня по щеке, но по дороге отдернула её. — Старость наступила, всё время думаю о прошлом.

Голова — это место, где находится огонь души, уязвимое место, подобное точке смерти у мастера боевых искусств. Как можно позволить трогать его кому попало.

Поэтому Бай Цзиньинь всегда избегал прикосновений к лицу. Но сейчас у него внезапно возникло желание взять грубую, теплую руку Бай Жулянь и прижать к своей щеке, позволив ей погладить себя.

— Мама пришла напомнить, чтобы ты не забыл завтра рано встать на соревнования, — Бай Жулянь достала синий бейдж и нежно погладила его. — Раньше я всё думала, что нужно копить деньги на твою свадьбу. А такие вещи, как конкурсы пения, мечты — это не для наших бедных детей. Теперь я жалею.

— Если бы я знала, я бы никогда не стала тебе отказывать, — Бай Жулянь смеялась сквозь слезы. — Это была твоя мечта, как же я так могла?

Бай Цзиньинь растерялся, не зная, что сказать, и неловко похлопал Бай Жулянь по плечу.

— Смотри, как я реву, будто на похоронах. Это же хорошее событие! Я, как ты и просил, отправила тому человеку сто тысяч юаней. Сказали, что это гарантия прохода в финал. Может, мой сын станет большой звездой, — Бай Жулянь положила синий бейдж в руку Бай Цзиньиню. — Завтра я провожу тебя. Сменная одежда на кровати, помни, наденься получше.

Сказав это, она поспешила к выходу, словно пытаясь убежать от чего-то.

При тусклом свете тень Бай Жулянь, маленькой и сгорбленной, вытянулась в длинную полосу. У самой двери её шаги вдруг замедлили, стали тяжелыми, словно она чего-то ждала.

Бай Цзиньинь чувствовал, будто съел полный желудок грибов «Призрачное лицо» — тошнило и давило. В душе бушевали новые, незнакомые эмоции. Человеческие чувства прорастали в нем в этот момент. Он открыл рот и тихо, словно чужим голосом, произнес:

— Спасибо, мама!

Бай Жулянь замерла, не оборачиваясь. Её плечи сильно тряслись. Через какое-то время она произнесла:

— Поешь перед сном чего-нибудь, а то ночью проголодаешься.

Бай Цзиньинь отозвался, глядя, как Бай Жулянь закрывает дверь, и прислушиваясь к затихающим шагам. Ещё через некоторое время он взял синий бейдж.

На нем было написано: «Его голос», пропуск в полуфинал.

Прежний хозяин тела, не сумев собрать сто тысяч юаней на взятку, напился до беспамятства в знак протеста. А когда очнулся, внутри уже был другой.

Три года в Мире Нежити оставили Бай Цзиньиня с эмоциональными дефицитами, но за это время в мире людей он почувствовал, насколько тяжел этот пропуск в руке.

Эта семья была небогатой. Бай Жулянь была портнихой. Как она сама говорила, в детстве она прочитала «Смейся, гордый мир» и влюбилась в персонажа Дунфан Бубая. С тех пор, увидев

иглу, она видела в ней своего кумира.

Она училась шить у деревенских женщин, от подошв до вышивки на стельках, а затем начала шить одежду. Её мастерство росло, и в конце концов она достигла уровня «Летящей иглы» — с близкого расстояния могла прибить муху к месту на лету!

Повзрослев, маленькая, черная и некрасивая Бай Жулянь благодаря славе лучшей портнихи в округе нашла себе высокого и красивого мужа. Вскоре после рождения Бай Цзиньиня они развелись, и она одна открыла ателье под названием «Непобедимый Север», где проработала более двадцати лет.

В этот момент, увидев, что Бай Жулянь ушла, Хэй-хэй выпрыгнул из-под кровати и удивленно сказал:

— Хозяин, под кроватью появилось что-то новое.

Привыкнув к безопасности, которую давала пещера в Мире Нежити, Бай Цзиньинь каждую ночь ждал, пока Бай Жулянь уйдет, и затем тихо пробирался под кровать, возвращаясь обратно только перед рассветом.

Сейчас под кроватью, где раньше были пыль и паутина, лежала циновка.

Огонь души Бай Цзиньиня вспыхнул, словно у параноика на последней стадии, чувствующего опасность со всех сторон. Он подсознательно приказал своему легиону скелетов срочно собраться возле него, но затем вспомнил — его бывший Легион Нежити больше не существовал, и единственным подчиненным была птица размером с ладонь.

Из-за ограничений на количество призывов Бай Цзиньинь планировал подождать, пока не найдет человеческие кости или более крупный объект, прежде чем увеличивать число подчиненных. Но теперь, когда его личность Повелителя Скелетов могла быть раскрыта, в его глазах пробежала белая вспышка, и огонь души распространился во все стороны.

Через мгновение в воздухе опять закружилась вихрь, и был призван скелет.

Это был скелет кошки!

Охваченный чувством незащищенности, Бай Цзиньинь направил огонь души прямо в океан сознания кошачьего скелета, жестко считывая его воспоминания.

[Вид: Британская короткошерстная]

[Имя при жизни: Чунь Эр]

[История имени: кошка, которая приходила в возбуждение, когда её гладили по ушам]

Бай Цзиньинь опешил.

Воспоминания скелета кошки Чунь Эр, словно флешка, подключенная к компьютеру, начали проигрываться в сознании Бай Цзиньиня.

В детстве у неё была хозяйка — вернее, служанка, которая вела себя высокомерно и холодно. В хорошем настроении она позволяла тереться о себя хвостом в качестве награды, а в плохом — сразу наносила удары когтями.

Ей нравилось класть голову на мягкие складки живота служанки и греться на солнце, будить её по утрам, усаживаясь своим крупом на плоское лицо, а когда хотелось есть — получать консервы с рыбой разных вкусов, после чего медленно патрулировать свою территорию...

Бай Цзиньинь нахмурился. Что за чушь! Он сразу перемотал к последним моментам жизни Чунь Эр.

Чунь Эр лежала на столе, раскинув лапы звездой. Мужчина в очках, выглядевший интеллигентно и вежливо, держал в руках канцелярский нож. Под холодным белым светом лезвие, тонкое и острое, сверкало смертельным блеском.

Он подошел, нежно погладил круглую голову Чунь Эр и канцелярским ножом, словно разрезая стейк, медленно провел по телу.

Кровь брызнула, раздался пронзительный вопль, а лицо мужчины исказилось в жуткой ухмылке.

Последний кадр закончился тем, как у Чунь Эр вырвали два глазных яблока.

Просмотр воспоминаний закончился, и огонь души Повелителя Скелетов Бай Цзиньиня яростно затрепетал и втянулся обратно.

<http://bllate.org/book/16788/1543914>